

Блаженный Иеронимъ и блаженный Августинъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ ¹⁾.

Споръ Августина съ Иеронимомъ относительно посланій къ галатамъ. Различныя христіанскія воззрѣнія Августина и Иеронима. Августинъ обвиняетъ Иеронима, будтобы онъ въ комментаріѣ на посланія апостола Павла проповѣдуетъ законность лжи, допускаемой для пользы дѣла. Письмо Августина къ Иерониму по этому поводу: оно не доходитъ до рукъ Иеронима. Второе письмо Августина испытываетъ участь перваго. Гнѣвъ Иеронима и извиненія Августина. Иеронимъ соглашается и принимаетъ вызовъ на богословское состязаніе. Общій взглядъ Августина на первые времена христіанства отвергается Иеронимомъ, какъ еретическій. Заключеніе спора объ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ.

Споръ между блаженнымъ Августиномъ и блаженнымъ Иеронимомъ, продолжавшійся при содѣйствіи недоразумѣній, возбуждаемыхъ и поддерживаемыхъ людскою злобою, отъ 395 до 407 года, занимаетъ особенно видное мѣсто въ исторіи церкви. Предметомъ этого спора было объясненіе одного новозавѣтнаго событія; источникомъ—другой, еще болѣе знаменитый споръ, споръ между апостолами Петромъ и Павломъ предъ вѣрными церкви антиохійской (Гал. гл. 2). Такимъ образомъ разногласіе двухъ учителей V вѣка переноситъ насъ къ коллыбели христіанства, къ временамъ служенія апостоловъ. Конечно, любопытно прослѣдить, какъ смотрѣли вѣрующіе вполнѣ благоустроенной церкви антиохійской на своеобразные взгляды апостоловъ, затемненные для насъ отдаленностію времени.

¹⁾ Изъ сочиненія Амедея Тьерри: *Saint Jerome*. Paris. 1867. Томъ II-й, стр. 118—176.

Наше любопытство должно удвоиться при мысли, что проникнуть въ эту священную тайну рѣшились два, самыя блестящія свѣтила западной церкви, и что въ свое изслѣдованіе каждый изъ нихъ привнесъ, вмѣстѣ съ противоположнымъ другому рѣшеніемъ спорнаго вопроса, совершенно своеобразный характеръ мышленія и совершенно оригинальный взглядъ на христіанство. Въ перепискѣ Августина и Іеронима, очень часто вѣденной съ сердечнымъ волненіемъ, всегда дышащей краснорѣчіемъ и непринужденностію, гораздо лучше, можетъ быть, чѣмъ въ остальныхъ ихъ твореніяхъ, представляются для насъ отличительныя черты этихъ личностей. Нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній помогутъ читателямъ лучше понять параллель въ дѣятельности Іеронима и Августина.

Августинъ имѣлъ 41 годъ при началѣ спора. Незадолго предъ этихъ принявши христіанство, онъ по особеннымъ обстоятельствамъ скоро достигъ уже степени священника, и западная церковь возлагала на него великія надежды. Онъ самъ съ удивительною откровенностію разсказалъ намъ о перемѣнахъ въ своей жизни, о продолжительномъ колебаніи своихъ убѣжденій и о томъ, какъ среди распутной юпошеской жизни онъ съ жаромъ, свойственнымъ его энергической природѣ, стремился къ идеалу нравственнаго совершенства и верховнаго блага, отъ которыхъ постоянно удаляло его волненіе страстей. Онъ искалъ этого идеала въ философіи, онъ прошелъ чрезъ всѣ философскія секты, но не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ пустословія. Для довершенія разочарованія, онъ началъ искать этого идеала въ религіи и—сдѣлался манихеемъ. Манихейство было вмѣстѣ и религіею и философіею,—но это была такая грубая философія, такая безобразно-изуродованная религія, что Августинъ бросилъ и ту и другую и предался скептицизму. Изъ такого состоянія вывелъ Августина св. Амвросій (епископъ медіоланскій), обративъ его къ хри-

стіанской церкви. Но Августинъ не пошелъ по прямому и широкому пути къ познанію христіанства; если его привлекало превосходство нравственного христіанскаго ученія, то съ другой стороны священное Писаніе сразу не давало ему того, чего требовалъ его умъ, пріученный къ діалектическимъ тонкостямъ, именно—философской формулы содержащихся въ немъ истинъ. Эту формулу онъ думалъ найти у Платона, сближая съ первою главою евангелія Іоанна превосходную теорію о словѣ *несозданномъ*. Съ этого времени для него, по собственному его признанію, стало все ясно въ христіанствѣ и онъ перешелъ отъ Тимея къ евангелію. Такой путь христіанскаго самообразования Августина соотвѣтствовалъ природѣ его духа, склоннаго къ синтезу, желавшаго видѣть всякую религіозную истину подъ формою данныхъ человѣческаго знанія и предпочитавшаго логическія доказательства отъ разума свидѣтельству людей и завѣренію чувствъ.—Этимъ опредѣлялся характеръ его христіанскаго міровоззрѣнія. Августинъ сначала смотрѣлъ на христіанство какъ на философскую систему; чудеса и пророчества, по его мнѣнію, имѣютъ только вспомогательное значеніе. Благодаря такому смѣлому взгляду, Августинъ дошелъ до самой основы христіанства и былъ въ состояніи открыть ту превосходную глубокую связь, которую имѣютъ между собою христіанскія истины. Вотъ въ чемъ состояла сила Августина, вотъ за что онъ пользуется славой. Кромѣ этого онъ не имѣлъ достаточныхъ средствъ для надлежащаго толкованія Библіи; онъ плохо зналъ по-гречески, не имѣлъ никакихъ познаній въ языкѣ еврейскомъ; и что касается исторіи церкви, онъ ограничился изученіемъ тѣхъ отрывочныхъ компиляцій, какія изданы были на западѣ. Даже сочиненія Платона, которыми онъ руководствовался въ вопросахъ вѣры, онъ читалъ только при помощи латинскихъ переводовъ и изучалъ по совершенно-произволь-

нымъ комментаріямъ новой школы, несправедливо присвоившей собоѣ названіе неоплатонической. Греческіе отцы церкви—главные основатели высшей критики по отношенію къ священному Писанію, не были близко извѣстны Августину, и—странная вещь—онъ едва зналъ объ Оригенѣ, о которомъ было столько горячихъ споровъ, производившихся отчасти еще предъ его глазами. Но Августинъ обладалъ творческимъ гениемъ, онъ догадывался о тѣхъ мысляхъ Платона, которыхъ не считалъ, и самъ изобрѣлъ собственныя методы для изъясненія св. Писанія. Впрочемъ и такая громадная сила мысли и такая логичность не всегда могли замѣнить недостатокъ учености.

Христіанское воспитаніе Іеронима было совершенно другаго рода.

Происходя отъ христіанской фамліи, христіанинъ отъ рожденія, вскормленный, какъ выражается онъ самъ, молокомъ христіанскимъ, напосыный уваженіемъ къ Библии и вѣрою въ священныя Писанія, на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на непреклонное слово Святаго Духа, онъ одного желалъ: въ самомъ Писаніи найти рѣшеніе своихъ недоумѣній. Мудрость человѣческая была для него на второмъ планѣ и въ подчиненіи мудрости божественной; откровеніе было для него выше всего. Тогда какъ Августинъ достигъ вѣры путемъ философіи, Іеронимъ презиралъ, какъ ложь и зло, всякую философію, которая не согласовалась съ ученіемъ вѣры. Свои огромныя природныя способности Іеронимъ посвятилъ на служеніе безграничной вѣрѣ. Его неусыпные труды—все были направлены къ тому, чтобы при помощи историческихъ и географическихъ свѣдѣній, путешествій, изученія нравовъ, восточныхъ преданій и особенно языковъ доказать непоколебимую вѣрность исторіи о священныхъ событіяхъ. По его мнѣнію, учитель христіанскій прежде всего долженъ изучать ту книгу,

которой евангеліе служить продолженіемъ,—первая его обязанность состоятъ въ томъ, чтобы доискаться въ текстѣ ея первоначальной чистоты—*еврейской истины*, по собственному выраженію Іеронима ¹⁾. Чтобы изучить эту истину у самаго ея истока, Іеронимъ уединенно поселился на востокѣ—въ странѣ, населенной іудеями и сирійцами, невдалекѣ отъ славившихся въ то время еврейскихъ школъ, въ монастырѣ, гдѣ значительную часть жизни посвятилъ изученію библейскаго текста и сличенію рукописей.

На востокѣ упорная борьба съ іудеями заставляла защитниковъ христіанства знакомиться съ первоначальнымъ библейскимъ текстомъ по еврейскому чтенію. На западѣ, гдѣ такой необходимости не было, христіане имѣли подъ руками только переводы Библии. Учители восточной церкви не могли довольствоваться и переводомъ Семидесяти. Поэтому здѣсь занимались сличеніемъ перевода Семидесяти съ переводами Θεοδοтіона, Акиллы и Симмаха, сопоставленными въ *гекзаплахъ* Оригена ²⁾. Честолюбіе Іеронима, его христіанское призваніе, какъ онъ понималъ его, побуждало его возбудить на западѣ потребность въ вѣрѣ просвѣщенной ³⁾, и на языкѣ латинскомъ съ точностію передать ту еврейскую истину, которую онъ признавалъ вышедшею изъ устъ самого Бога. Число оборотовъ многіе отцы западной церкви (въ томъ числѣ и Августинъ) спрашивали, въ чему ведутъ работы, имѣющія цѣлію показать неточность общепринятаго перевода, и опа-

¹⁾ Ut scirent nostri, quid hebraica veritas contineret. Ed. Migne. Ep. 14, p. 627. in Ruf. II, p. 429 и сл.

²⁾ Apud graecos, post septuaginta editionem, jam Christi evangelio coruscante, judaeus Aquila et Symmachus ac Theodotus judaisantes haeretici sunt recepti... et in Hexaplis habentur apud ecclesias, et explanantur ab ecclesiasticis viris. Hieron. in Ruf. II, p. 439.

³⁾ Latini mei grati esse deberent.—Ibid. p. 427.

сались, чтобы измѣненіе обычнаго текста Библіи не окончилось искаженіемъ вѣрованій. Августинъ имѣлъ въ виду практическую сторону дѣла; для Іеронима всего дороже была истина.

Такихъ противоположныхъ взглядовъ относительно христіанства держались эти два великіе учителя; въ ихъ перепискѣ по поводу возникшаго между ними спора мы постоянно будемъ видѣть доказательства этого. Іеронимъ и Августинъ никогда не видали другъ друга; они знали одинъ о другомъ только по нѣкоторымъ сочиненіямъ и изъ рассказовъ Алиція, сердечнаго друга Августинова, который въ теченіе 393-го года гостилъ въ монастырѣ Іеронима. До пресловутаго спора ихъ сношенія ограничивались немногими письмами съ извѣстіями о политическихъ событіяхъ или съ рекомендаціею странствующимъ богомольцамъ; тѣмъ не менѣе они были расположены любить другъ друга, и старикъ, подвижникъ вилеемскій, ставшійся снискать любовь у всѣхъ, въ новообращенномъ богословѣ гораздо болѣе желалъ видѣть своего приверженца, чѣмъ соперника. Ничего другаго не входило въ сношенія Августина и Іеронима до 395 года. Въ это время попалось въ руки Августина сочиненіе Іеронима: *комментарій на посланіе св. ап. Павла къ римлянамъ*, составленное пустынно-комъ по просьбѣ нѣкоторыхъ его друзей, въ первые годы его поселенія въ Палестинѣ. Посланіе къ галатамъ содержитъ между прочимъ рассказъ о томъ, какъ ап. Павелъ среди вѣрующихъ церкви антиохійской публично укорилъ ап. Петра въ томъ, что онъ избѣгаетъ общенія съ вѣрными необрѣзанными, чтобы сблизиться съ обрѣзанными, прибывшими изъ Іерусалима, изъ церковной общины ап. Іакова.—Іеронимъ объяснялъ это событіе, его причины и его значеніе такимъ толкованіемъ, какового, по мнѣнію Августина, вовсе нельзя было допустить. Смотрѣвшій на все, по своему обычаю, съ

философской точки зрѣнія, горячій резнитель правды, Августинъ былъ убѣжденъ, что читаемый имъ комментарий Иеронима содержать въ себѣ глубокое нравственное заблужденіе, даже святотатство, именно—оправданіе лжи, служащей къ пользѣ дѣла, авторитетомъ писаній. Здѣсь мы должны позволить себѣ нѣкоторое отступленіе.

Христіанство явилось въ Іудеѣ и послѣдователи его прежде всего были изъ іудеевъ—первоначально іудеи, а потомъ язычники, какъ говоритъ самъ апостолъ языковъ (Рим. I, 16; II, 9, 10). Иначе и быть не могло. Въ самомъ дѣлѣ, какой народъ могъ быть призванъ ко вступленію въ новый завѣтъ, какъ не тотъ, который жилъ подъ руководствомъ завѣта ветхаго, владѣлъ, какъ наслѣдіемъ своихъ отцовъ, священными книгами, служащими основаніемъ евангелію, устами своихъ пророковъ возвѣщаль о Мессіи другимъ народамъ, и изъ среды котораго долженъ былъ родиться Мессія? Язычникъ, принявшій христіанство, долженъ былъ заниматься изученіемъ еврейскихъ книгъ, чтобы найти въ нихъ доказательство истинности христіанства; іудей и прежде былъ совершенно знакомъ съ ними. Кромѣ того, повидимому ни одинъ народъ тогдашняго міра не былъ лучше іудеевъ приготовленъ къ принятію нравственнаго христіанскаго ученія, составляющаго основу религіи: всякій іудей былъ внимателенъ къ слову закона, онъ зналъ наизусть писанія, слѣдовалъ за учителями или самъ былъ учителемъ, и всѣ сословія—священники, раввины, ремесленники раздѣлялись на секты и ежедневно занимались истолкованіемъ или примѣненіемъ къ частнымъ случаямъ постановленій Моисея. Въ Греціи только люди принадлежавшіе къ высшему сословію интересовались философскими предметами и находили удовольствіе заниматься ими. Въ Іудеѣ все населеніе составляло религіозную школу. Пусть не думаютъ, что проповѣдничество апостоловъ, бото-

рые почти все принадлежали къ низшему сословію, представлялось сколько илбудъ страннымъ въ этой странѣ. Въ числѣ писателей впишъ ветхаго завета, въ числѣ составителей Талмуда встрѣчаются земледѣльцы, ремесленники, пастухи. Примеръ такого же рода представляется и гораздо позже въ лицѣ тиверіадскихъ ученыхъ составителей Мишны. Во все періоды исторической жизни еврейскаго народа великіе цари и знатнѣйшіе граждане выходили изъ массы народа. Послѣдній герой Іудей въ борьбѣ ея съ Римомъ—Варъ-Кохавъ—былъ ремесленникъ. Но если по своему воспитанію и по своему закону іудей былъ гораздо ближе къ христіанству, чѣмъ язычникъ, то по своей ненависти ко всему иностранному, по своей приверженности къ формальности, опутавшей его жизнь безчисленными обрядовыми предписаніями, іудей былъ несравненно далѣе отъ христіанства, чѣмъ язычникъ. Самая почитаемая, самая ученая изъ іудейскихъ сектъ, секта фари́сеевъ слишкомъ далеко простирала свою приверженность къ формамъ и скрыла духъ закона подъ его буквою. Послѣдователи этой секты всего болѣе противодѣйствовали распространенію появляющагося христіанства. Фарисеи, обратившіеся въ христіанство, возмущали внутреннее спокойствіе христіанскаго общества столько же, сколько фараисеи—преслѣдователи—тревожили внѣшнее благосостояніе церкви. Поэтому-то ап. Павелъ, издавна принадлежавшій къ сектѣ фари́сеевъ, сознавши жалкое заблужденіе своей секты и сдѣлавшись учителемъ язычниковъ, возставалъ именно противъ духа фари́сейской секты, формализмъ которой перешелъ въ насущную потребность почти всего іудейскаго народа. Ап. Петръ первый понималъ, сколько затрудненій для распространенія христіанства можетъ произвести духъ іудейской самозаключенности и нетерпимости, обусловливаемый всею предыдущею жизнію еврейскаго народа. Когда, при началѣ своего апостоль-

скаго служенія, ап. Петръ отправился въ Іоппію, а потомъ изъ Іоппіи въ Кесарію, по просьбѣ сотника римскаго легіона Корнилія, чтобы тамъ крестить этого римлянина и его семейство, состоявшее изъ язычниковъ, то счелъ долгомъ оправдываться предъ церковію іерусалимскою, состоявшею изъ іудеевъ. Чтобы объяснить этотъ поступокъ, согласный съ евангельскою свободою, ап. Петръ упомянулъ объ особенномъ божественномъ наставленіи (Дѣян. XI, 2 и слѣд.). Онъ первый въ слухъ всѣхъ говорилъ, что евангеліе въ такой же мѣрѣ принадлежитъ и язычникамъ, какъ и іудеямъ, и что нужно проповѣдывать его всѣмъ безъ всякаго различія (Дѣян. XV, 7—10). Точно также и бывшій преслѣдователь христіанъ Савль, въ христіанствѣ Павелъ, долженъ былъ сослаться на особенное откровеніе Божіе для того, чтобы выполнить свое призваніе—быть апостоломъ язычниковъ, и найти себѣ у другихъ апостоловъ такое довѣріе, какимъ пользовался Петръ, апостолъ іудеевъ. Впрочемъ раздѣленіе служенія этихъ двухъ апостоловъ, стремившихся распространить христіанство у разныхъ народовъ, было болѣе по имени, чѣмъ въ дѣйствительности. Если ап. Петръ, обративъ ко Христу сотника Корнилія и членовъ его семейства, на которыхъ онъ низвелъ Святаго Духа, такими образомъ обихажалъ съ язычниками, то и объ ап. Павлѣ можно сказать, что онъ по нуждѣ поблажалъ іудеямъ для пользы своей проповѣди. Такъ онъ обрѣзалъ своего ученика Тимофея, сына іудейки и греча, слѣдовательно—язычника; и сдѣлалъ это, какъ говоритъ намъ писатель книги *Дѣяній апостольскихъ*, изъ страха іудеевъ (Дѣян. XVI, 1, 3). Въ Кенхреѣ, гавани коринѣской, тотъ же апостолъ, слѣдуя обычаю назореевъ, обрѣзалъ себѣ волосы и обрилъ голову, и ходилъ босикомъ, какъ то требовалось іудейскими правилами (Дѣян. XVIII, 18; Числ. VI, 18). Это еще не все. Прибывши въ Іерусалимъ съ своими учени-

гами язычниками, онъ отправился въ храмъ и заставилъ ихъ вмѣстѣ съ собою исполнить обрядъ очищенія и жертвоприношенія. Все это безъ сомнѣнія онъ дѣлалъ *страха ради іудейска*. Другіе апостолы и священники іерусалимскіе совѣтовали ап. Павлу поступать такъ, конечно, тоже по боязни іудеевъ (Дѣян. XXI, 23, 24).

Вѣроятно, необходимость подобныхъ поступковъ была слишкомъ сильна, если даже непоколебимый духъ ап. Павла былъ вынужденъ дѣлать то, что онъ и предъ своими учениками и въ глубинѣ своего сердца признавалъ несправедливымъ. Въ самомъ дѣлѣ, уклоняясь отъ соблюденія законныхъ обрядностей и іудейскихъ обычаевъ, легко можно было возбудить церковное разъединеніе. Конечно, нечего было опасаться этого со стороны язычниковъ. Но что касается до іудеевъ, то почти предъ глазами самого ап. Петра два соперника, Керинѣ и Евіонъ, собирали подъ свои знамена многихъ изъ обрѣзанныхъ, прилявшихъ новую вѣру, но не оставившихъ своего іудейскаго образа мыслей.—Во многихъ другихъ мѣстахъ, христіанскія общества, составленныя изъ іудеевъ, почитая Иисуса Христа простымъ пророкомъ, а евангеліе—дополненіемъ къ закону Моисееву, пытались уничтожить въ христіанствѣ свободу, которая составляла его сущность. Въ церквахъ изъ язычниковъ царствовала свобода; но эта свобода была очень подозрительнаго свойства. Апостолы рѣшили на соборѣ іерусалимскомъ, что вѣрные должны воздерживаться отъ блудодѣлія, отъ употребленія въ пищу мяса удушенныхъ животныхъ и крови, а также идоложертвенныхъ мясъ, и только этими тремя предписаніями ограничили обрядовыя обязанности христіанина. Епископъ іерусалимскій Іаковъ, братъ Господень, своимъ пастырскимъ посланіемъ обнародовалъ рѣшеніе собора (Дѣян. XV, 28. 29). Но церкви, состоявшія изъ іудеевъ, не вдругъ стали повиноваться этому рѣшенію. Въ

Малой Азіи и Сиріи, гдѣ общества іудеевъ, обращенныхъ въ христіанство, были очень многочисленны, нужно было ожидать великаго возмущенія, вслѣдствіе наущеній іерусалимскихъ христіанъ изъ іудеевъ. Галатія, въ которой ап. Павелъ имѣлъ особенный успѣхъ, своими церковными смутами доказала, что труды апостола языковъ повидимому остались тщетными, чего, какъ видимъ изъ его посланія къ галатамъ, онъ и самъ не мало опасался (Гал. I, 6. 7; III, 1). При такихъ обстоятельствахъ, Петръ по дѣламъ своей проповѣди пришелъ въ Аптіохію, гдѣ ап. Павелъ основалъ очень благоустроенную церковь изъ грековъ и сирійцевъ. Прибывши Петръ соединился съ своимъ соапостоломъ и, нимало не сомнѣваясь, вступилъ въ сношенія съ христіанами изъ язычниковъ,—вмѣстѣ съ ними совершалъ молитвы и вкушалъ пищу. Спустя нѣсколько времени пришли туда нѣсколько обрѣзанныхъ изъ церкви іерусалимской; они соблазнялись такимъ поведеніемъ ап. Петра, и онъ потихоньку оставилъ язычниковъ, чтобы поселиться съ обрѣзанными; другіе іудеи сдѣлали тоже, и отдѣлились отъ необрѣзанныхъ (Гал. II, 12. 13). Тогда произошло то столкновеніе, которое описалъ ап. Павелъ въ посланіи къ галатамъ, имѣя при этомъ двоякую цѣль: укрѣпить свой авторитетъ въ церкви галатійской, и оправдать въ глазахъ обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ ученіе о евангельской свободѣ, которое служило основаніемъ всей его проповѣди. Вотъ какъ апостоль рассказываетъ это происшествіе: *когда я увидѣлъ, что Петръ и другіе не прямо поступаютъ по истинѣ евангельской, то сказалъ Петру при встѣхъ: если ты, будучи іудеемъ, живешь по-язычески, а не по-іудейски, то для чего язычниковъ принуждаешь жить по іудейски* (Гал. II, 15)? Эти послѣднія слова заставляютъ думать, что многіе христіане изъ язычниковъ, видя отдѣленіе Петра и другихъ обрѣзанныхъ, поколебались въ своихъ убѣжденіяхъ. Во всякомъ случаѣ Варнава,

сообщникъ ап. Павла въ распространеніи христіанства между язычниками, позволилъ себѣ увлечься примѣромъ ап. Петра, къ великому неудовольствію ап. Павла. Таково было антиохійское происшествіе. Кромѣ этого ап. Павелъ не прибавляетъ ничего, описывая его вѣрнымъ Галатіа. Вѣроятно, что на это событіе въ христіанскомъ мірѣ обратили очень мало вниманія, или что подобные споры были часты, такъ какъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ объ этомъ происшествіи нѣтъ упоминанія. Апостолъ язычниковъ пользуется случаемъ, чтобы поставить на видъ независимость своихъ дѣйствій общинамъ, которыя слѣдовали его благовѣстію. «Вотъ», писалъ онъ, «то, что я сказалъ въ лицѣ Петру» (Гал. II, 14). Какъ писатель *Дѣяній апостольскихъ*, современникъ антиохійскаго событія, считаетъ лишнимъ упомянуть о немъ ¹⁾, такъ и церковные историки двухъ первыхъ вѣковъ тоже хранятъ о немъ молчаніе. Но въ половинѣ третьяго вѣка одинъ изъ тѣхъ неоплатониковъ, которые вступили въ упорную борьбу съ христіанствомъ, основываясь на его собственныхъ писаніяхъ, философъ Порфирій напомнилъ объ антиохійскомъ происшествіи съ укоризною ап. Павлу. Порфирій представлялъ общество апостоловъ раздѣленнымъ на двѣ враждебныя партіи ²⁾. Павелъ, недругъ Петра, съ завистію смотрѣвшій на его авторитетъ, возставалъ гордо, надменно до безстыдства (таково собственное

¹⁾ Quum Lucas, scriptor historiae (apostolicae), nullam hujus dissensionis faciat mentionem, nec dicat unquam Petrum Antiochiae fuisse cum Paulo... Hieron. Comment. Paul. Ep. ad Galat., t. IV, 1 p., p. 244.

²⁾ Sceleratus ille Porphyrius in primo operis sui adversum nos libro, Petrum a Paulo objecit esse reprehensum, quod non recto pede incederet ad evangelizandum, volens et illi maculam erroris inurere, et huic procacitatis: et in commune ficti dogmatis accusare mendacium, dum inter se ecclesiarum principes discrepent. Hieron. Comment. Paul. Ep. ad Galat., Praefat., p. 223.

выраженіе философа) ¹⁾ противъ первенства этого апостола, которое дано ему самимъ Иисусомъ Христомъ; ибо, присоединяетъ Порфирій, Павелъ въ этомъ антiохійскомъ спорѣ не постыдился укорять своего начальника въ томъ, что онъ живетъ по-иудейски, хотя самъ иногда жилъ по-иудейски. Такой жестокий укоръ великому апостолу возбудилъ смущеніе во всемъ восточномъ мірѣ. Чувствовалась необходимость опровергнуть Порфирія не столько для обороны противъ языческихъ нареканій, сколько ради успокоенія церквей, составленныхъ изъ иудеевъ, которыя существовали въ большомъ числѣ на предѣлахъ Аравіи и только что покинули ереси первыхъ вѣковъ. Апологию апостола Павла противъ Порфирія взял на себя великій Оригенъ. Онъ собралъ еще свѣжія преданія въ странѣ, служившей колыбелью христіанству, и особенно въ церкви антiохійской, и вотъ отвѣтъ, данный имъ на клевету Порфирія. Антiохійское происшествіе очевидно было заранѣе условлено между Петромъ, который былъ не доволенъ тѣмъ, что обрѣзанные церкви іерусалимской стараются заставить его поступать по ихъ желанію, и Павломъ, который былъ не менѣе огорченъ препятствіями своему благовѣстію и уменьшеніемъ своего стада. Въ самомъ дѣлѣ Павелъ, столько разъ подчинявшійся правиламъ іудейской жизни,—изъ страха иудеевъ, что видѣли и знали сами язычники—Павелъ, заставлявшій своихъ учениковъ исполнять предписанія Моисеева закона,—могъ ли онъ серьезно укорять старѣйшаго апостола за то, что онъ живетъ по-иудейски? При такой несплѣдовательности онъ легко могъ быть самъ пристыженъ. Но Павелъ имѣлъ въ виду чрезъ споръ съ Петромъ дать наставленіе партіи іудействующей, которая своею нетерпимостію, при

¹⁾ Locum dari Porphyrio blasphemanti, si aut Petrus errasse, aut Paulus procaciter Apostolorum principem confutasse credatur. Hieron. Comm. Paul. Ep. ad Galat., p. 244.—Intrepide fecisse injuriam praecessori. Id., ibid., p. 243.

всякомъ удобномъ случаѣ, нарушала развитіе христіанской свободы, и для этого два апостола заранѣе условились между собою ¹⁾. Петръ, учитель іудеевъ, смотрѣлъ на это заранѣе условенное объясненіе съ ап. Павломъ, какъ на восточную притчу въ лицахъ ²⁾, разыграть которую ап. Павелъ имѣлъ полное право по причинѣ скорби, возбуждаемой въ немъ поведеніемъ іудействующихъ; конечно, обнаруженное при этомъ случаѣ смиреніе апостола Петра, главнаго представителя евреевъ-христіанъ, имѣло гораздо болѣе значенія для обрѣзанныхъ, чѣмъ для кого нибудь другаго. Такимъ образомъ мнимая антиохійская распря не была возстаніемъ подчиненнаго противъ своего начальника, а еще менѣе безчестнымъ поступкомъ со стороны ап. Павла, какъ осмѣливался утверждать Порфирій. Напротивъ это было дѣло благоразумія, вызываемое настоятельными нуждами церкви. Молчаніе писателя Дѣяній апостольскихъ показываетъ, съ другой стороны, что это происшествіе въ дѣйствительности не было чѣмъ нибудь слишкомъ важнымъ или необыкновеннымъ. Оригенъ развилъ эти мысли при помощи своихъ огромныхъ познаній, и не только посвятилъ этому вопросу особое сочиненіе, но разсуждалъ о немъ и въ другой разъ, въ десятой книжкѣ *stromatō* ³⁾. Толкованіе Оригена было принято величайшими учителями

¹⁾ Quam itaque vidisset Apostolus Paulus periclitari gratiam Christi, nova bellator ejus usus est arte pugnandi: ut dispensatione corrigeret, et resisteret ei in faciem: non arguens propositum, sed quasi in publico contradicens. Hieron., Comment. Paul. Ep. ad Galat., t. IV, 1 pars, p. 248.

²⁾ Utilis simulatio... ut hypocrisis observandae legis, quae nocebat eis qui ex gentibus crediderant, correptionis hypocrisi emendaretur. Id., ibid.

³⁾ Scripsit enim ille vir in Epistolam Pauli ad Galatas quinque propria volumina; et decimum Stromatum suorum librum, commatice super explanatione ejus sermone complerit: tractatus quoque varios et excerpta, quae vel sola possint sufficere, composuit. Hieron., Comment. Paul. Ep. ad Galat. Praef. p. 222.

востока: Дидимъ передавалъ его въ школѣ александрійской, Апполинарій въ Лаодикии, Евсевій въ Емезѣ, другіе въ другихъ мѣстахъ ¹⁾). Наконецъ Іоаннъ Златоустъ, съ дѣтства знакомый съ преданіями антиохійской церкви и бывшій лучшимъ ея представителемъ, усвоилъ толкованіе Оригена и еще болѣе уяснилъ его. Іеронимъ заимствовалъ толкованіе Оригена у этихъ знаменитыхъ учителей и, опираясь на столь великіе въ его глазахъ авторитеты, изложилъ это толкованіе въ своемъ комментарий на посланіе къ галатамъ, указывая источники, изъ которыхъ почерпнулъ его ²⁾).

Читая сочиненіе Іеронима, Августинъ, какъ видно, чувствовалъ сильное негодованіе. Толкованіе Іеронима показалось ему достойнымъ осужденія. Разсматривая антиохійское происшествіе съ философской точки зрѣнія, внѣ связи съ историческими обстоятельствами, сообщавшими ему его истинный характеръ, Августинъ желалъ, чтобы и всякій другой толкователь этого событія смотрѣлъ на него исключительно съ точки зрѣнія отвлеченно-нравственной. Ап. Павелъ въ своемъ посланіи выдаетъ споръ между собою и ап. Петромъ за дѣйствительное происшествіе, а не за притчу. Утверждать, что этотъ споръ былъ заранее условленъ между апостолами, и что все это дѣлалось только для вида, значить, во-первыхъ, извращать свидѣтельство ап. Павла, который говоритъ совершенно противное, а потомъ—допускать существованіе въ священныхъ писаніяхъ ложныхъ разсказовъ. Но ложь, даже слу-

¹⁾ Praetermitto Dydimum, et Laodiceum, et Alexandrum, etc., qui et ipsi nonnullos super hac re commentariolos reliquerunt. Hieron., Comment. Paul. Ep. ad Galat., Praef., p. 222.

²⁾ Cautior atque timidior imbecillitatem virum meorum sentiens, Origenis commentarios sum secutus. Hieron., Comment. Paul. Ep. ad Galat. Praef., p. 222.

жащая къ исполненію нашихъ обязанностей или къ достиженію добрыхъ цѣлей, есть преступленіе; пытаться ложно объяснить рассказы священныхъ книгъ—есть почти святотатство. Кромѣ того священные книги, написанныя по вдохновенію божественному, всегда должно понимать буквально; придавать имъ иносказательный смыслъ подъ предлогомъ уясненія ихъ духа, значить подрывать ихъ божественный характеръ, давать поводъ къ сомнѣнію вѣрнымъ, возбуждать нападенія со стороны невѣрныхъ ¹⁾).

Таково было сужденіе Августина, на основаніи котораго въ вину Іерониму поставлялось то, будто бы онъ оправдываетъ авторитетомъ писанія всякую ложь, служащую къ пользѣ дѣла. Эта мысль Августина была такъ задушевна, что онъ рѣшился тотчасъ объяснить Іерониму опасныя слѣдствія его ученія и убѣдить его отказаться отъ него, и въ самомъ дѣлѣ послалъ ему длинное письмо, въ которомъ въ формѣ трактата разсуждалъ пресмственно о двухъ побочныхъ предметахъ спора: сперва о переводахъ Библии съ еврейскаго текста, которые всегда служили камнемъ претыканія,—Августинъ былъ противъ нихъ; потомъ о своихъ собственныхъ сочиненіяхъ, молчаніе о которыхъ вилеємскаго пустынника его беспокоило. Это письмо, написанное съ удивительною силою аргументаціи и строгаѣшею логическою послѣдовательностію въ выводахъ, можетъ служить образцомъ одушевлен-

¹⁾ Нѣсколько писемъ изъ переписки Іеронима съ Августиномъ переведено въ приложеніи къ *Трудамъ кievской д. академіи* (Твор. Іеронима Т. 2-й стр. 386—397 и 494—515). Сличая русскій переводъ съ выдержками, приводимыми Амвросіемъ Тьерри, мы находимъ, что А. Тьерри мало придерживался буквального текста писемъ Іеронима и Августина, но имѣлъ въ виду только разъяснить ихъ внутренній смыслъ въ примѣненіи къ исторіи взаимныхъ отношеній Іеронима и Августина, при чемъ обнаружилъ замѣчательное искусство и тонкій психологическій анализъ. *Прим. пер.*

ной рѣчи Августина; но въ немъ можно порицать грубость выраженій, которая дѣлаетъ его непріятнымъ для чтенія. Служитель алтаря въ этомъ письмѣ повидимому иногда забываетъ, что онъ обязанъ съ самою почтительною благопристойностію относиться къ другому пресвитеру, который старше его, забываетъ, что онъ—человѣкъ еще молодой—пишетъ къ старцу, столько же знаменитому славою, сколько обремененному и лѣтами.

Это письмо, писанное изъ Рима, Августинъ для передачи по принадлежности вручилъ одному африканскому пресвитеру, по имени Профутуру, отправлявшемуся въ святую землю; но въ моментъ своего отплытія Профутуръ, получивъ извѣстіе о своемъ избраніи во епископа нумидійскаго города Цирты, перемѣнилъ направленіе пути и поспѣшилъ вступить въ управленіе своею паствою, гдѣ и умеръ спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Августинъ съ своей стороны замѣчалъ, что народъ и клиръ иннонійскій скоро возведутъ его на епископскую кафедру. Среди такихъ нечаянныхъ обстоятельствъ письмо Августина къ Иерониму было забыто, или, лучше сказать, попало въ невѣрные руки—его переписали, списывали, быть можетъ искажали. И скоро оно появилось въ Римѣ, въ Далмаціи, въ Италіи, словомъ достигло всюду, кромѣ лица, къ которому было адресовано. Живость объясненій, содержащихся въ этомъ письмѣ, удивила всѣхъ и дала поводъ къ разнообразнымъ толкамъ. Друзья Иеронима были поражены; враги его торжествовали, видя, что ихъ сторону держитъ тотъ, въ комъ по крайней мѣрѣ они сами видѣли новую славу запада; тѣ и другіе съ томленіемъ ждали отвѣта Иеронима. Но Августинъ, занятый новыми заботами, не думалъ уже о своемъ письмѣ; кромѣ того, онъ могъ думать, что Профутуръ, прежде своей смерти, передалъ его по принадлежности чрезъ кого нибудь другаго; Августинъ, кажется, и не зналъ,

что его письмо тайно ходило по рукамъ въ Италіи въ то время, когда къ нему пришелъ діаконъ, прибывшій изъ Виллема и принесшій письмо отъ Іеронима. Письмо это заключало въ себѣ весьма теплую рекомендацію для діакона, котораго привели въ Африку нѣкоторые дѣла, и аллегорическія поздравленія новому епископу, возведеніе котораго въ новый санъ, узнавное на востокѣ изъ людской молвы, радовало виллеемскаго пустытника. О спорѣ св. ап. Петра и Павла, о переводахъ еврейскихъ и вообще о вопросахъ, затронутыхъ въ письмѣ Августина, не было ни слова;—очевидно, письмо Августина не дошло по назначенію. Письмо Іеронима было таково:

«Іеронимъ поистинѣ святому господину и всеблаженнѣйшему папѣ Августину въ Іисусѣ Христѣ желаетъ здравія!

Прошлый годъ я писалъ къ твоему достоинству чрезъ нашего брата Астерія; онъ взялся принести и мнѣ отъ тебя привѣтствіе. Я ласкаю себя надеждою, что мое письмо не заблудилось. Теперь я опять прошу тебя увѣдомить меня о себѣ чрезъ моего брата, діакона Президія, а вмѣстѣ и рекомендую его. Знай, что онъ, по моему мнѣнію, истинный братъ: прійми его, помоги ему во всемъ, что будетъ необходимо, не потому, чтобы, благодареніе Господу, у него не было необходимаго для жизни, но потому, что онъ съ пламеннымъ усердіемъ ищетъ дружбы людей честныхъ, которая въ его глазахъ есть высшее благо въ этомъ мірѣ. Что касается до причины, побудившей его переправиться моремъ съ востока на западъ, объ этомъ ты узнаешь отъ него самого, если она тебя сколько нибудь интересуетъ. Заключившись въ монастырѣ, я чувствую себя, какъ на подводномъ камнѣ:—около меня поднимается много волнъ, бушуетъ много бурь. Множество неудобствъ, неразлучныхъ съ отшельническою жизнію, спѣшать безпрестанно тревожить меня, но я остаюсь покойнымъ,

въ надеждѣ на Того, Кто сказалъ: *держайте, Я побѣдилъ міръ*. При помощи Его благодати и Его покровительства я надѣюсь также торжествовать надъ кознями діавола.

Почтительно привѣтствуй отъ меня нашего святаго и преподобнаго брата папу Алипія. Святые братья, помогающіе мнѣ въ служеніи Богу, вмѣстѣ со мною свидѣтельствуютъ свое уваженіе. Пусть всемогущій Господь сохранить невредимо твое здравіе и добрую память о мнѣ, господинъ, истинно святой преподобный папа!»

Убѣдившись изъ письма Іеронимова въ потерѣ своего перваго письма, Августинъ поспѣшилъ написать второе письмо. Это второе письмо было еще обиприѣе перваго, еще развитѣе въ доводахъ, еще рѣзче въ выводахъ и, къ несчастію, не менѣе колю въ выраженіяхъ. Какъ бы предполагая, что ложный стыдъ можетъ побудить Іеронима упорно держаться своего заблужденія и вновь повторять мнѣніе, которое заслуживаетъ порицанія, Августинъ даетъ ему совѣтъ отречься отъ своихъ словъ по примѣру поэта Стезихора. Греческія басни дѣйствительно рассказываютъ, что этотъ поэтъ, осмѣявшій въ своей сатирѣ цѣломудріе Елены и ея красоту, которая для нея можетъ быть была еще дороже, за это былъ лишенъ зрѣнія братьями Елены, полубогами—Касторомъ и Полуксомъ; они дотолѣ держали его въ слѣпотѣ, пока онъ, переѣннвъ тонъ своей лиры, не началъ восхвалять прелести и добродѣтель той, которую оскорбилъ. Августинъ намекалъ именно на это отреченіе Стезихора. «Подражай поэту, писалъ онъ къ Іерониму, сдѣлай такое же отреченіе: ты не можешь не сдѣлать его, если ты убѣжденъ, что христіанская истина несравненно прекраснѣе греческой Елены, что христіанскіе подвижники должны бороться противъ заблужденій вѣка съ тысячекратно большимъ мужествомъ, чѣмъ греки сражались предъ Троею. Я побуждаю тебя къ переѣннѣ сужденій, на

думая, что возвращаю тебѣ умственное зрѣніе. Сохрани меня Богъ отъ мысли, что ты его потерялъ; но позволь мнѣ сказать тебѣ, что при всей здравости и проницательности твоихъ умственныхъ очей, не знаю по какой-то разсѣянности, ты не обратилъ вниманія на слѣдствія своего ученія. Что выйдетъ въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что писатели нашихъ священныхъ книгъ могутъ при какихъ нибудь обстоятельствахъ для какой нибудь цѣли лгать, лгать не нарушая чести и благочестія? Это второе письмо, написанное изъ Иппоніи, испытало участь перваго, написаннаго изъ Рима. Христіанитъ Навель, который взялся доставить это письмо и долженъ былъ, по всѣмъ предположеніямъ, отправиться изъ одной италіанской гавани въ Палестину, побоялся или скуки путешествія или неустойчивости моря, и остался въ Италіи. Подобно первому письму, и второе попало въ руки недруговъ Іеронима и въ епископѣхъ распространялось даже до тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ Іеронимъ, и снова возбудило оно дурную молву о нравственности Іеронима, представляя его искажателемъ смысла писаній и проповѣдникомъ лжи. Одинъ изъ друзей Іеронима, діаконъ Сисиній, намѣревавшійся посѣтить его, услышалъ на одномъ островѣ Адріатическаго моря споры, возбужденныя письмами епископа иппонійскаго. Сисиній захватилъ письмо съ собою, чтобы прямо доставить его пустыннику, который отъ своихъ италіанскихъ корреспондентовъ ничего не зналъ ни о первомъ ни о второмъ письмѣ Августина. Не подозревая, что Іеронимъ одинъ въ мірѣ не знаетъ о нихъ и уважая причины его молчанія, каковы бы онѣ ни были, Сисиній вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ Іеронима о молвѣ, распространенной въ Италіи, будто бы тотъ же епископъ иппонійскій послалъ изъ Рима, по поводу того же Іеронимова комментарія (на посланіе къ галатамъ), сочиненіе, въ которомъ отзывался о Іеронимѣ безъ всякаго уваженія.

Это поразило Иеронима, какъ громомъ. Онъ вполнѣ внимательно разсматривалъ письмо, листовалъ и перелистывалъ все его странички, чтобы найти какой нибудь матеріальный знакъ подлинности,—но оно не имѣло ни печати, ни подписи и было написано не рукою Августина. Исслѣдованіе внутреннихъ признаковъ, именно—слога письма привело къ болѣе положительнымъ заключеніямъ: по вполнѣ философскому характеру положеній, по искусству и по твердости аргументацій, по нѣкоторымъ отличительнымъ выраженіямъ и оборотамъ, Иеронимъ ни мало не сомнѣваясь призналъ сочинителемъ письма епископа иппонійскаго. Это убѣжденіе повергло его въ глубокое и тяжелое уныніе. Кругомъ его, среди братьевъ внолеемскихъ и іерусалимскихъ, потомъ, по мѣрѣ распространенія новости, среди священниковъ палестинскихъ, раздѣлявшихъ мнѣнія, такъ жестоко осуждаемыя въ письмѣ Августина, возбудилось сильное негодованіе. «Этотъ молодой человѣкъ, (говорили вездѣ кругомъ Иеронима) хочетъ разрушить твою славу отъ нечего дѣлать, безъ твоего вѣдома распуская о тебѣ худую молву. Въ странномъ характерѣ этого письма есть болѣе чѣмъ недоразумѣніе или простая случайность,— есть гнусная злонамѣренность. Представляя тебя святотатственнымъ лжепророкомъ или лжеучителемъ, онъ распускаетъ въ чужія руки письма, адресованныя къ тебѣ, чтобы имѣть возможность сказать: *Иеронимъ не отвѣчаетъ на обвиненія: этотъ ужасный человѣкъ нашелъ себя противника не по силамъ; онъ побѣжденъ такъ, что не можетъ ничего сказать въ свою защиту*. Вотъ на какія безчестныя хитрости пускается Августинъ, чтобы увеличить свою славу». Друзья Иеронима умоляли его высказаться, взяться за перо, которое приводило въ трепетъ столько враговъ; но онъ не смотря на подозрѣнія, тѣснившіяся въ его душу, упорно отказывался писать. «Нѣтъ, нѣтъ!» повторялъ онъ

съ усиленіемъ, — «пусть не говорятъ, что я оттолкнулъ отъ общенія со мною епископа изъ-за своего личнаго дѣла». Августинъ скоро узналъ изъ рассказовъ палестинскихъ пилигримовъ о томъ, что дѣлалось въ вилеескихъ монастыряхъ, о болѣзненной сдержанности Іеронима и о яростномъ негодованіи его друзей. Онъ понялъ свою ошибку и имъ овладѣло дѣйствительное горе. Это конечно не потому, чтобы онъ сознавалъ себя сколько нибудь виновнымъ въ безчестномъ расчетѣ, о которомъ можно было заключать изъ обстановки дѣла; но потому, что по своей небрежности, слабости, онъ произвелъ великое зло. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ упрекалъ себя за недостатокъ осторожности въ словахъ, обращенныхъ къ старцу, котораго самъ называлъ своимъ другомъ и наставникомъ; а рѣзкія выраженія, едва извинительныя въ дружеской перепискѣ, были теперь разславлены всюду, возбуждая въ однихъ негодованіе на автора письма, въ другихъ — на его противника, сообразно прежнимъ отношеніямъ каждого читателя къ Августину или Іерониму. Еще непріятнѣе для Августина было то, что онъ не могъ удовлетворительно объяснить столько скопившихся недоразумѣній. Если нечаянная смерть Профутура естественно могла послужить достаточнымъ объясненіемъ потери перваго письма, то что сказать о второмъ письмѣ? Августинъ никакъ не могъ объяснить, отчего Павелъ, взявшись доставить письмо въ Палестину, донесъ его только до Рима. Августинъ, очевидно, сдѣлался игрушкою враговъ Іеронима; они навели его на мысль писать обличительныя письма, они разшевелили его желчь, потомъ злоупотребили его довѣріемъ, воспользовавшись быть можетъ тщеславіемъ Августина, которое въ ихъ глазахъ оправдывало виновниковъ этого удачнаго обмана. Таково было положеніе дѣлъ, и Августинъ, какъ искренній другъ и почитатель Іеронима, скорбѣлъ въ глубинѣ души. Онъ поспѣшилъ съ своей стороны

написать письмо, наполненное изъявленіями уваженія, по объ обмолвкахъ своихъ прежнихъ писемъ не сказалъ ни слова. Трудность объяснить ихъ заставила его умолчать. «Мнѣ сообщили, писалъ онъ, слухъ, которому я съ трудомъ вѣрю; но почему бы мнѣ не сказать тебѣ объ немъ? Мнѣ сообщили, что нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ,—кто именно, не знаю,—намекнули тебѣ, будто я составилъ противъ тебя книгу и послалъ ее изъ Рима. Будь убѣжденъ, нѣтъ ничего въ мірѣ несправедливѣе этого; Богъ мнѣ свидѣтель, что я не составлялъ книги противъ тебя. Книга, о которой идетъ рѣчь—это первое или второе изъ двухъ писемъ моихъ къ тебѣ, а можетъ быть и оба вмѣстѣ. Если есть что побудъ въ моихъ сочиненіяхъ оскорбительное для тебя, скажи мнѣ; я прииму братскія твои совѣты, всегда съ удовольствіемъ постараюсь исправиться, и сочту это драгоценнымъ знакомъ твоего вниманія». Затѣмъ съ особенною искренностію Августинъ при-совокупилъ слѣдующее: «какъ бы я былъ счастливъ, еслибы видѣлъ тебя, жилъ около тебя, слушалъ твои бесѣды! Но такъ какъ Господь лишилъ меня этого счастія, то позволь мнѣ пользоваться единственнымъ оставшимся для меня средствомъ поддерживать единеніе, не смотря на дальность разстоянія, и пребывать въ общеніи съ Христомъ Іисусомъ,—позволь мнѣ писать къ тебѣ и самъ отвѣчай всегда на мои письма. Привѣтствуй отъ меня, именемъ Господа моего, святаго брата Павлина и всѣхъ братьевъ, твоихъ общниковъ, хвалящихся тобою. Вспоминай о мнѣ, возлюбленный господинъ, достопочитаемый и достоуважаемый братъ въ Іисусѣ Христѣ! Пусть Господь исполнитъ всѣ твои желанія, о чемъ я усердно прошу Его»!

Это письмо не произвело на Іеронима ожидаемаго впечатлѣнія; напротивъ на него очень дурно подѣйствовало отсутствіе въ письмѣ нужныхъ объясненій. Только прямое и

откровенное объясненіе случившагося могло въ настоящемъ случаѣ разсѣять подозрѣнія, невольно тѣснившіяся въ душу Іеронима, и заградить уста его совѣтникамъ. Видя, что Августинъ старается умолчать о своихъ прежнихъ письмахъ, Іеронимъ съ своей стороны избѣгалъ вопросовъ, о которыхъ разсуждалось въ этихъ письмахъ, и на послѣднее, любезное, но полное недомолвками, письмо Августина отвѣчалъ другимъ, не менѣе любезнымъ по формѣ, но сухимъ и рѣзкимъ письмомъ, изъ котораго было ясно, что рана нанесенная его сердцу еще не зажила. «Господиже воистину святой и всеблаженный папа!» писалъ Іеронимъ. «Мнѣ принесено было письмо отъ твоей святости, въ то время, когда нашъ святой иподіаконъ Астерій отправился на западъ. Ты утверждаешь въ этомъ прочитанномъ мною письмѣ, что ты не посылаешь изъ Рима никакой книги, написанной противъ меня:—мнѣ сообщали не о книгѣ, но о письмѣ, приписываемомъ тебѣ, копію съ котораго принесъ мнѣ нашъ братъ Сисиній. Ты увѣщиваешь меня въ этомъ письмѣ отречься отъ моихъ мыслей относительно спора ап. Петра и ап. Павла, подражая Стезихору, который лишь бы былъ зрѣніа за злой языкъ свой и, чтобы позвратить зрѣніе своимъ очамъ, вмѣсто сатиры началъ воспѣвать панегирикъ Еленѣ. Я откровенно признаюсь, что, вполне признавая въ этомъ письмѣ твою методу аргументаціи и твой стиль, тѣмъ не менѣе я не счелъ себя вправе смѣло принять его за подлинное и отвѣчать тебѣ на него, боясь получить отъ твоей святости упрекъ въ несправедливости, если я прииму тебѣ то, что тебѣ не принадлежитъ. Кромѣ этой причины моего молчанія, была еще другая—продолжительная болѣзнь святой и достопочтенной Павлы. Исключительно занявшись облегченіемъ ея страданій, я почти позабылъ о твоёмъ письмѣ, или, лучше сказать, о письмѣ, которое распространяется подъ твоимъ именемъ. Извини, что мнѣ по

этому поводу припомнилось изреченіе: *печальная музыка— худое развлеченіе*. Если письмо дѣйствительно написано тобою, увѣдоми меня точно и пришли мнѣ его копию, чтобы нами разногласія относительно писаній, объявляемые безъ горечи, являлись къ взаимному исправленію нашихъ ошибокъ, или къ доказательству того, что мы не имѣемъ собственно разногласія. Что касается сочиненій твоей святости, о которыхъ ты желаешь слышать мое сужденіе,—помилуй Богъ, чтобы я когда нибудь началъ обсуждать ихъ критически. Съ меня довольно защищать собственные сочиненія, и я не беру съ себя судить чужихъ. Наконецъ, для твоего благоразумія конечно извѣстно, что всякій человѣкъ упоренъ въ своемъ мнѣніи и что только ребяческой заносчивости свойственно, подобно юношамъ, стараться созидать себѣ славу, осуждая славныхъ людей. Я не настолько глупъ, чтобы оскорбляться несогласіями, какія могутъ существовать между моими и твоими мнѣніями, потому что знаю, что думать иначе, чѣмъ ты, не значитъ оскорблять тебя;—но если ты хочешь знать, въ какомъ случаѣ наши друзья имѣютъ полное право порицать насъ, то это въ томъ, если мы, забывъ о недостаткахъ, составляющихъ наше собственное бремя, насмѣшливо разсуждаемъ о недостаткахъ другихъ. мнѣ остается просить тебя только объ одномъ: люби человѣка, который тебя любитъ, и, обладая полными силами юности, не вызывай старика на поприще состязанія о писаніяхъ. Мы тоже имѣли свое время, мы тоже трудились въ этомъ дѣлѣ, сколько позволяли наши силы, теперь твоя очередь трудиться, и когда ты своими трудами далеко опередишь насъ, мы признаемъ за тобою право отдыха. Чтобы не одному тебѣ отсылать меня къ баснямъ поэтовъ, совѣтую тебѣ припомнить Дареса и Антелму; подумай также о пословицѣ, которая утверждаетъ, что *усталый быкъ критикъ ступаетъ на ноги*. Дай Богъ мнѣ имѣть счастье обнять тебя

и потолковать съ тобою, чтобы намъ понять другъ друга, и братски сообщить другъ другу чего мы не знаемъ.

Вспоминай обо мнѣ, святой и достопочтенный папа! Видишь, какъ я люблю тебя! Получивши такой вызовъ, я не хотѣлъ отвѣчать тебѣ и удержался приписать тебѣ то, что я осудилъ бы въ другомъ».

Даресъ и Антелла были два атлета—герои Энеиды. Даресъ былъ молодъ и надмененъ; Антелла старъ, но полонъ бодрости. Младшій вызвалъ старика на борьбу своими безразсудными придирками, но борьба кончилась тѣмъ, что Даресъ упалъ безъ чувствъ.—Намекъ былъ очень ясенъ и конечно былъ рѣзче, чѣмъ намекъ о Стезихорѣ. Иеронимъ диктовалъ это письмо въ то время, какъ иподіаконъ Астерій ждалъ уже у воротъ его пустынной обители. Это была первая и вмѣстѣ послѣдняя вспышка Иеронимова гнѣва.

Августинъ получилъ ударъ и опустилъ голову. Даресъ почувствовалъ рану въ борьбѣ отъ старика Антеллы. Онъ рѣшился послать требуемыя копіи и написать новое письмо съ несмѣлыми объясненіями, умоляя вмѣстѣ съ тѣмъ Иеронима отвѣчать ему о предметѣ несогласія. «Письмо, которое доставилъ мнѣ отъ тебя нашъ святой сынъ Астерій, вообще сурово и написано въ чувствѣ раздраженія. Я замѣтилъ, что самыя любезности этого письма пронизаны тономъ недовольства, и я чувствовалъ рѣзкость этой сухой бесѣды. Особенно удивляетъ меня то, что, отказываясь на основаніи одной только копіи смѣло приписать мнѣ оскорбительное для тебя письмо, чтобы не дать мнѣ повода жалѣть о потерѣ твоей дружбы, ты побуждаешь меня прямо объяснить тебѣ, я ли авторъ этого письма и прислать тебѣ съ него вѣрную копію, чтобы намъ съ тобою можно было разсуждать о писаніяхъ безъ горечи. Но какъ мы можемъ разсуждать безъ горечи, когда ты при-

готовился писать ко мнѣ съ раздраженіемъ? Если ты поступилъ такъ только по предположенію, не я ли авторъ письма, то ты уже далъ мнѣ этимъ право оскорбляться твоимъ отвѣтомъ, не вступая еще въ дальнѣйшія сношенія. Если ты еще сомнѣваясь (въ подлинности письма) не могъ отвѣчать мнѣ менѣе рѣзко, то какъ хочешь ты разсуждать со мною безъ горечи, когда узнаешь, что я дѣйствительно авторъ письма? Докажи мнѣ, если хочешь и можешь, что ты лучше меня понимаешь посланіе къ галатамъ или другое какое нибудь мѣсто писаній; сдѣлай это, прошу тебя, и я нисколько не буду этимъ недоволенъ, напротивъ того съ благодарностію воспользуюсь твоими уроками и замѣчаніями для собственнаго наученія и исправленія. Но нѣтъ, возлюбленный и уважаемый братъ, ты побоялся бы огорчить меня своимъ отвѣтомъ, еслибы мое письмо не доставило тебѣ огорченія; ты не сталъ бы оскорблять меня, если бы не былъ убѣжденъ, что ты первый получилъ оскорбленіе. Въ настоящихъ обстоятельствахъ мнѣ остается только признать свою ошибку, открыто сознаться предъ тобою, что письмо, которое ты нашелъ оскорбительнымъ, дѣйствительно принадлежитъ мнѣ, и просить у тебя извиненія. Да, если я могъ оскорбить тебя, то умоляю тебя милосердіемъ Іисуса Христа не воздавать мнѣ зломъ за зло, оскорбляя меня въ свою очередь: пбо, не желая высказать мнѣ прямо, что именно ты находишь достойнымъ осужденія лѣ моихъ дѣйствіяхъ или словахъ, ты оскорбляешь меня. Пусть внушеніе добродѣтели, которой ты служишь, и святой жизни, какою ты ведешь, не допустятъ тебя страстно осуждать во мнѣ то, что твоя собственная совѣсть, быть можетъ, не сочтетъ предосудительнымъ. Укоряй же меня съ любовію, если ты видишь во мнѣ что либо худое, хотя бы я былъ совершенно невиненъ,—или обращай ко мнѣ съ братскою любовію, если я заслуживаю этой любви. Въ пер-

вомъ случаѣ я увижу изъ твоихъ укоровъ и мое заблужденіе и твою дружбу ко мнѣ. Но почему же твои письма,—можетъ быть нѣсколько суровыя, но всегда написанныя для моей пользы,—для меня такъ же страшны, какъ перчатки и латы Антелмы? Этотъ старый атлетъ нанесилъ Даресу страшные удары, не заботясь возвратить ему здоровье; онъ повергъ его на землю, не имѣя въ виду его вылечить: что касается меня, я съ признательностію выслушалъ бы твои укоризны,—онѣ исцѣлили бы меня, не причинивъ мнѣ боли. Я согласенъ на все твои сравненія. Если ты хочешь, чтобы я вѣдѣлъ въ тебѣ какъ бы вола, съ удивительнымъ усиліемъ обмолачивающаго пшеницу и рожь на полѣ Господнемъ и, не смотря на свою старость, сохранившаго всю бодрость юности,—вотъ я простираюсь на землю: собери свои силы и попирай меня, я съ удовольствіемъ снесу всю твою старческую тяжесть, хотя моя ошибка будетъ такъ же раздавлена подъ твою тяжелую ногу, какъ пшеничная солома».

Все это было очень почтительно и трогательно, но неосторожность Августина снова растревожила заживавшую рану. Въ своемъ письмѣ, посвященномъ доказательству непригодности переводовъ Библии съ еврейскаго текста, Августинъ, чтобы доказать неумѣстность слѣдованія этимъ переводамъ, сослался на исторію—истинную или выдуманную, о которой носились слухи въ Африкѣ и Италіи и которою пользовались враги Иеронима при своихъ нападеніяхъ.—Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: одинъ африканскій епископъ, большой любитель переводовъ Библии съ еврейскаго текста, оставивши въ сторонѣ италіанскую Вульгату, отъ слова до слова сходную съ переводомъ Семидесяти, рѣшился въ своей церкви ввести въ употребленіе переводы вѣтхаго завета, сдѣланные въ Вифлеемѣ. Однажды намѣреваясь читать предъ своею паствою пророчество Іоны, онъ взялъ переводъ Иеро-

нима, твердо убѣжденный въ его превосходствѣ. До четвертой главы чтеніе шло благополучно. Въ этой главѣ разсказывается, что Богъ для защиты Іоны отъ солнечнаго зноя на полѣ ниневійскомъ вызвалъ изъ земли растеніе. Какое было это растеніе? Вульгата, согласно съ переводомъ Семидесяти, говоритъ, что это была тыква; въ переводѣ Іеронима оно названо *плющемъ*. Поэтому епископъ читалъ—*плющъ*. Но едва онъ произнесъ это слово, въ собраніи поднялся крикъ: *нѣтъ, нѣтъ, это былъ не плющъ, это была тыква!* Епископъ отвѣчалъ, что вѣроятно въ еврейскомъ подлинникѣ стоитъ *плющъ*, почему Іеронимъ и перевелъ такъ; но шумъ только увеличивался, и греки бывшіе тутъ надменно указывали на авторитетъ Семидесяти. Сыпались вопросы, возраженія, отъ епископа къ народу и отъ народа къ епископу. Послѣдній, чтобы положить конецъ соблазну, объявилъ, что онъ спроситъ объ этомъ у іудеевъ (которыхъ было много въ городѣ); но іудеи, по первѣднію ли то, или по злости—изъ желанія посмѣяться надъ христіанами, объявили, что въ еврейскомъ подлинникѣ стоитъ *тыква*, также какъ въ греческомъ переводѣ Семидесяти. Вслѣдствіе этого смущенный епископъ хотѣлъ уже уступить мнѣнію народа; но здравыя размышленія удержали его отъ этого. Такова была эта исторія, вѣроятно выдуманная съ цѣлію осмѣять труды, какими Іеронимъ посвятилъ свою жизнь. Августинъ, принявши эту исторію за истинную, вывелъ заключеніе, что нужно оставить дѣло въ настоящемъ положеніи—изъ страха еще болѣе затемнить священный текстъ, и внести новыя несогласія въ церковь. Онъ совѣтовалъ Іерониму лучше заняться латинскимъ переводомъ Библии, придерживаясь греческихъ толковниковъ, позабывъ или опустивъ изъ виду, что пустышникъ уже покончилъ съ этою работою.

Иеронимъ въ концѣ концовъ уступилъ удвоеннымъ просьбамъ Августина и принять его вызовъ на состязаніе, потому что въ сущности онъ любилъ епископа иппонійскаго, и, услышавъ отъ него первое ласковое слово, онъ уже сердился очень не долго; быть можетъ также, Иеронимъ не прочь былъ поражать того, кто вызвалъ его съ такою самоувѣренностію и поражать его въ виду восточной церкви, преданія которой Августинъ цѣнилъ слишкомъ мало и слишкомъ высоко. Но прежде начала состязаній Иеронимъ хотѣлъ за-разъ облегчить свое сердце откровеннымъ объясненіемъ, чтобы слѣды прошедшаго не оказывали болѣе вліянія ни на его сужденія, ни на ихъ дружбу. Это желаніе онъ и выполнилъ въ своемъ первомъ письмѣ, имѣющемъ исключительно субъективный характеръ; оно такимъ образомъ было чѣмъ-то въ родѣ предисловія ко второму. «Господинъ воистину святой и всеблаженный папа! говорилъ Иеронимъ. Ты пишешь мнѣ письмо за письмомъ, чтобы побудить меня отвѣчать на извѣстный отрывокъ, копію съ котораго безъ подписи принесъ мнѣ діаконъ Сисиній. Ты подтверждаешь, что посылаешь ко мнѣ эту бумагу, которая дѣйствительно отдана для доставленія мнѣ, въ первый разъ брату нашему Профутуру, во второй—не знаю кому; ты объясняешь далѣе, что Профутуръ, отозванный на епископскую кафедру, потомъ внезапно умеръ, не совершивъ путешествія въ Палестину, тогда какъ другой, имени котораго ты мнѣ не сказалъ, перемѣнилъ свое намѣреніе въ моментъ отправления и остался на материкѣ, боясь пуститься въ море. Если это было такъ, то для меня очень удивительно, что письмо, о которомъ идетъ дѣло, ходило по рукамъ вездѣ въ Римѣ и Италіи, такъ что самъ діаконъ Сисиній—мой братъ принесъ его копію, пять лѣтъ тому назадъ, не въ Африкѣ, не у тебя, но на одномъ островѣ Адриатическаго моря.

Дружба не должна допускать никакой неискренности, и съ другомъ нужно говорить какъ съ другимъ собою. Я тебѣ прямо скажу, что многіе изъ моихъ братьевъ—чистыхъ сосудовъ во Христѣ, какихъ много въ Іерусалимѣ и въ святыхъ мѣстахъ, внушали мнѣ мысль, что ты дѣйствуешь въ настоящемъ случаѣ не совсѣмъ простосердечно и прямодушно; но, придавая слишкомъ большое значеніе людскимъ похваламъ—ничтожнымъ одобреніямъ, ты старался увеличить свою добрую славу, подрывая мою: мнѣ внушали, что ты поступаешь такъ, чтобы всѣ знали, что ты вызываешь меня на судъ, а я трепещу,—что ты пишешь, какъ ученичійшій, а я молчу, какъ дуракъ, и что наконецъ нашелся человекъ, который положилъ мѣру моей болтливости. Я откровенно сознаюсь тебѣ, что прежде всего по этой причинѣ я медлилъ отвѣчать тебѣ; потомъ я колебался признать письмо твоимъ, думая, что ты не способенъ сдѣлать на меня нападеніе, какъ говорить пословица, *со шпатою, обмоченною въ медъ*; наконецъ я боялся, чтобы меня не обвинили въ надменности по отношенію къ епископу, если я буду осуждать сколько нибудь строго моего цензора,—особенно когда я встрѣчаю въ его письмѣ не одно мѣсто, которое отзывается ересью. Повѣрь мнѣ, намъ не слѣдуетъ кидаться другъ на друга по-ребячески и давать поводъ для обоюднаго спора какъ доброжелателямъ нашимъ, такъ и поносителямъ; если слова мои покажутся тебѣ суровыми, то это потому, что я хочу любить тебя отъ чистаго сердца и по-христіански, и не хочу держать на душѣ своей ничего затаеннаго, чего не было бы на устахъ. Не къ лицу мнѣ, отъ юности до настоящаго возраста трудящемуся въ потѣ лица выѣстѣ съ святыми братіями въ бѣдномъ монастырѣ, дерзко писать что-либо противъ епископа, находящагося со мною въ общеніи, котораго я сталъ любить прежде, чѣмъ узнать, который первый предложилъ мнѣ дружбу, кто

порадовалъ меня, выступая вслѣдъ за мною на изученіе божественныхъ Писаній.

Обязанности дружбы также удержали мою руку. Развѣ ты не вправѣ былъ бы жаловаться и сказать мнѣ: «изъ-за чего это? Развѣ ты видѣлъ мое письмо и узналъ въ подписи почеркъ знакомой тебѣ руки, что такъ безцеремонно оскорбляешь друга и за чужую вину ругаешь меня»? Итакъ, какъ писалъ я и прежде, или пришли то письмо, подписавъ его собственноручно, или перестань обижать старика, скрывающагося въ кельѣ. Если тебя мучить любовь къ славѣ, и ты хочешь упражнять, или выказать свою ученость, — ищи молодыхъ, и краснорѣчивыхъ, и знаменитыхъ, которыхъ, говорятъ, очень много въ Римѣ; они будутъ и въ силахъ, и отважатся вступить съ тобою въ состязаніе, и непрочъ будутъ помѣряться съ епископомъ въ спорѣ о писаніяхъ. А мнѣ, когда-то воину, теперь инвалиду, должно только хвалить побѣды твои и другихъ, а не самому, съ изможденнымъ тѣломъ, вступать снова въ борьбу; если же непременно хочешь вытребовать у меня отвѣта, то вспомни о старикѣ Фабіѣ Максимѣ, который своею благоразумною медлительностію умѣлъ перехитрить юношески-отважнаго Аннибала.

Ты возражаешь, что ты не писалъ противъ меня никакой книги; какимъ же образомъ подъ твоимъ именемъ появилось въ Италіи то, чего ты не писалъ? Если же эта отрицаемая тобою книга есть не что иное, какъ твое письмо, то по какому побужденію требуешь, чтобы я отвѣчалъ на то, отъ чего ты самъ отказываешься? Я не такъ тупъ, чтобы считать себя оскорбленнымъ тобою, если ты думаешь иначе, чѣмъ я. Но если ты порицаешь всѣ мои слова, если требуешь отчета въ моихъ сочиненіяхъ и желаешь переправить ихъ по своему, если убѣждаешь меня къ отреченію отъ своихъ мнѣній подобно Стезихору, который возвратилъ себѣ зрѣніе цѣною

такого унижительнаго условія,—то этимъ оскорбляется дружба, этимъ нарушаются права сердечной привязанности.

Ты присовокупляешь кромѣ того, что если въ твоихъ сочиненіяхъ мнѣ что либо не нравится и я захотѣлъ бы это исправить, то пріймешь это по-братски и посмотришь на это, какъ на доказательство моего расположенія къ тебѣ. Скажу еще разъ, что думаю: предлагать подобныя условія значить смотрѣть на старика свысока, насильно отрывать ротъ молчащему, на чужой счетъ хвастаться своєю ученостію. Не въ мои лѣта выставлать себя зложелателемъ тому, кому я болѣе всего долженъ быть доброжелательнымъ. Если и въ свангеліяхъ, и въ пророкахъ, люди съ превратнымъ умомъ находятъ нѣчто такое, что стараются порицать: неужели удивился бы ты, если бы и въ твоихъ книгахъ, а особенно въ истолкованіи писаній, оказалось что либо или весьма темнымъ, или уклоняющимся отъ истины? Говорю это не потому, чтобы я дѣйствительно думать, что въ твоихъ сочиненіяхъ есть нѣчто достойное порицанія: я мало читалъ ихъ, да и экземпляровъ ихъ у насъ не такъ много, исключая книгъ твоихъ «Самособесѣдованій» и нѣкоторыхъ толкованій на псалмы, толкованій, которыя, если бы я хотѣлъ разобрать ихъ, могли бы показаться не столько темными, сколько твои со мною; которые ничто, но съ толкованіями древнихъ грековъ. Прощай, мой дорогой другъ, по лѣтамъ—сынъ, по сану—отецъ, я позабочусь, прошу тебя, вотъ о чемъ: когда будешь мнѣ писать что нибудь, устрой такъ, чтобы писанное тобою ко мнѣ прежде всего доходило до меня».

Въ этомъ суровомъ, но вмѣстѣ справедливомъ выговорѣ Іеронимъ излилъ остатки своего гнѣва: со времени втораго письма, у него исчезло всякое желаніе отвѣчать на обвиненіе обвиненіями. Съ этихъ поръ увлекаемый однимъ только желаніемъ спора, онъ забылъ свою рѣшимость быть хладно-

кровнымъ, и со всею силою устремился къ предмету спора, твердо держась на своей точкѣ зрѣнія. Его задачею было перевести вопросъ изъ философской сферы, куда отнесъ его Августинъ, на почву исторіи, гдѣ и есть его истинное мѣсто. Вполнѣ вѣрившись руководству Оригена, Иеронимъ далъ мнѣнію греческихъ толкователей надлежащее развитіе, и силою своихъ доводовъ вновь оживилъ борьбу. Мимоходомъ онъ показалъ слабость философской точки зрѣнія, которой держался Августинъ, всюду нападалъ на историческія гипотезы, которыми Августинъ подтверждалъ свои воззрѣнія. Иерониму не стоило труда доказать, что, благодаря ложности исходнаго пункта, епископъ нипонійскій путемъ строго-логическаго развитія своихъ мыслей необходимо дошелъ до ереси.

Августинъ утверждалъ, что антиохійское происшествіе не было заранѣе условлено, и что укоръ ап. Павла ап. Петру былъ вполнѣ основателенъ. Но чтобы утверждать это, Августинъ долженъ былъ доказать, что апостолъ Павелъ никогда не былъ виноватъ въ томъ, въ чемъ упрекалъ старѣйшаго апостола, какъ въ уклоненіи отъ истиннаго благовѣствованія. Зная исторію ап. Павла, нельзя было утверждать, что этотъ апостолъ никогда не подчинялся обычаямъ іудеевъ. Августинъ избѣжалъ затрудненія, говоря, что ап. Павелъ дѣйствительно подчинялся іудейскимъ обычаямъ, но не такъ, какъ Петръ. Ихъ подчиненіе въ сущности было совершенно различно. Петръ подчинялся по убѣжденію, Павелъ—изъ снисхожденія. Самъ апостолъ, продолжаетъ Августинъ, даетъ намъ понять это слѣдующими словами: *быхъ іудеомъ, яко іудей, да іудеи приобрящу; быхъ беззаконнымъ, яко беззаконенъ, да беззаконныя приобрящу* (1 Кор. IX, 20. 21). Вслѣдствіе такого различія, прибавляетъ Августинъ, Павелъ могъ обвинять старѣйшаго апостола и ставить ему въ укоръ его іудейскій образъ

жизни, не подвергаясь обвиненію въ непослѣдовательности или въ наглости, какъ осмѣлился выразиться Порфирій. Иеронимъ прежде всего рѣшился опровергнуть эту аргументацію, и спрашивалъ: потворство іудеямъ, которое его противникъ приписывалъ апостолу Павлу, развѣ не было—въ сущности, по крайней мѣрѣ—такою же грубою ложью во имя своего служенія, какъ и напередъ обдуманное притворное столкновение въ Антиохіи?—Далѣе, Иеронимъ старался показать, что слова ап. Павла не должно понимать буквально. «Дѣйствительно, говоритъ онъ, Павелъ, живя по-іудейски, приносилъ жертвоприношенія въ храмъ и подвергалъ себя очищеніямъ по закону Моисея. Думаешь ли ты, что онъ держался такого же образа дѣйствій и въ отношеніяхъ къ язычникамъ, когда жилъ среди нихъ, какъ человѣкъ безъ закона? Можетъ быть ты—чего добраго—думаешь, что онъ приносилъ жертвы идоламъ, осквернялся безобразными обычаями язычества, самъ отвергаясь своего Бога, чтобы такимъ образомъ вѣрнѣе приобрести Ему другихъ? Конечно, ты не осмѣлился думать такъ, и ни одинъ текстъ писанія не дастъ тебѣ повода къ такой смѣлой мысли. Ап. Павелъ просто хотѣлъ сказать, что онъ умѣетъ приспособляться ко времени и обстоятельствамъ для обращенія ко Христу іудеевъ и язычниковъ, живя по ихъ обычаю, насколько допускаютъ предписанія его собственнаго закона. Петръ въ Кесаріи поступалъ точно также, и дѣятельность этихъ апостоловъ имѣетъ сходство». «Нѣтъ, нѣтъ, повторялъ Августинъ—подчиненіе іудейскимъ обычаямъ у того и другаго апостола было въ сущности различно». Для доказательства этого, онъ дѣлалъ самое точное различіе между существенными обрядами по закону Моисееву и обрядами безразличными. Существенными обрядами Августинъ считалъ тѣ, съ которыми соединялось какое-нибудь вѣрованіе, мысль о духовномъ усовершенствованіи, стремленіе служить Богу и

такимъ образомъ дѣлаться Ему угоднымъ; кто по убѣжденію исполнялъ эти обряды, тотъ былъ истинный іудей. Напротивъ, обряды безразличныя—это тѣ, которые не имѣли отношенія къ дѣлу спасенія, не подлежали нравственному вмѣненію, не были заслугою, не были и преступленіемъ. Соблюденіе такихъ обрядовъ дѣлало человека не истиннымъ, но только видимымъ іудеемъ; ихъ соблюдалъ и ап. Павелъ. «Но неужели, отвѣчалъ Іеронимъ, въ законѣ Моисея есть такое разграниченіе? Философія сообразно съ своимъ характеромъ, говоря о нравственной дѣятельности, можетъ различать категоріи дѣлъ добрыхъ, худыхъ и безразличныхъ: можно утверждать, что воздержаніе есть добродѣтель, а роскошь—порокъ, а тысячи другихъ жизненныхъ отправленій, какъ напр. прогуливаться, садиться, кашлять, плевать, безразличны, потому что сдѣлаешь или не сдѣлаешь ихъ—не будешь ни правъ, ни виноватъ. Но это будетъ схоластическое разграниченіе, о которомъ можно спорить. Законъ же религіи отличается совершенно инымъ характеромъ. То, что онъ предписываетъ, добро; то, что онъ запрещаетъ, зло; нарушать предписанное имъ—грѣхъ, воздерживаться отъ запрещасмаго имъ—добродѣтель, и религіозныя обряды должны быть или хороши или худы, по своему отношенію къ исповѣдуемой религіи. Можешь ты думаешь, что для апостола языковъ было бы не важно принять притворно участіе даже въ языческомъ богослуженіи, призывать языческихъ боговъ, ѣсть идоложертвенное мясо. «Нѣтъ»—говоришь ты.—Конечно нѣтъ! Но въ такомъ случаѣ, какъ можешь ты считать не важными іудейскіе обряды, которымъ подчинялся ап. Павелъ и которымъ онъ подчинялъ своихъ учениковъ? Какъ,—неужели обрѣзаніе было не важно—это знаменіе союза между Богомъ и Его народомъ? Какъ—неужели не имѣло особеннаго значенія торжественное посвященіе себя Богу—по обычаю назореевъ, приношеніе жертвъ

въ храмѣ при посредствѣ священниковъ, совершеніе очищеній, предписываемыхъ въ законѣ? Если эти обряды не имѣли значенія, то въ чемъ состояли обряды существенно важныя? По твоему опредѣленію они заключаютъ въ себѣ мысль о нашихъ обязанностяхъ къ Богу, о преуспѣяніи на пути спасенія: всѣ остальные обряды, по-твоему, подобны простымъ обычаямъ и не вмѣняются ни въ заслугу, ни въ преступленіе. Хорошо! но въ такомъ случаѣ какую честь возданы ты Макавеямъ—этими великими мученикамъ ветхаго заветѣ—согласившимся лучше умереть, нежели нарушить обычаи своихъ отцовъ? Ты уничтожаешь ихъ славу и отрицаешь разумность ихъ мученичества, если они съ такимъ энтузіазмомъ и съ такою доблестію пожертвовали собою единственно ради безразличныхъ обрядовъ. Нѣтъ, нѣтъ, они умирали—воодушевляемые ревностію къ закону Божию. Что касается меня, я не понимаю ничего во всѣхъ твоихъ тонкостяхъ. Если обряды, предписанные въ божественныхъ заповѣдяхъ, не способствуютъ къ достиженію спасенія, то къ чему соблюдать ихъ? Если предписана обязанность, то можно ли думать, что Богъ не поставилъ исполненіе ея условіемъ для полученія спасенія? Выборъ между указываемыми тобою категоріями обрядовъ предоставляется каждому изъ насъ, а не Богу;—это прогнано ветхозавѣтнымъ духу рабства, да и нигдѣ въ текстахъ писанія не видно даже намека на такое раздѣленіе обрядовъ. Итакъ, не утверждай (какъ ты это дѣлалъ), что два проповѣдника христіанскаго благовѣстія различно исполняли обряды, предписываемые Моисеемъ,—одинъ соблюдалъ существенныя, другой не имѣющіе важности. Они вели себя совершенно одинаково, когда имѣли дѣло съ іудеями. Павелъ не имѣлъ права такъ сурово сказать своему соапостолу: ты уклонился отъ пути евангельскаго, а я твердо держусь на немъ* (Гал. II, 4).

Положивъ въ основаніе такія тонкія разграниченія, Августинъ построилъ теорію объ отношеніяхъ апостоловъ, которую часто повторяли послѣ него, но которую нельзя допустить, основываясь на историческихъ фактахъ. Онъ представлялъ въ обществѣ апостоловъ какъ бы двѣ отдѣльныя вѣтви, изъ коихъ каждая имѣла свое особенное назначеніе. Петру и другимъ апостоламъ, непосредственнымъ ученикамъ Христа, было ввѣрено попеченіе о распространеніи христіанства исключительно въ средѣ іудеевъ; Павлу и Варнаві—попеченіе о распространеніи христіанства только въ средѣ язычниковъ; и тѣмъ и другимъ изъ апостоловъ были даны свои права и обязанности. Апостолы евреевъ имѣли право жить по обычаямъ іудейскимъ, а апостолы язычниковъ должны были отвернуть все іудейское. Павелъ могъ быть только наружно іудеемъ; Петръ былъ іудеемъ истиннымъ. Петръ, учитель іудеевъ, позволялъ своей паствѣ оставаться іудеями; Павелъ, учитель язычниковъ, запрещалъ своимъ ученикамъ вести іудейскій образъ жизни. Такова теорія Августина. Такой своеобразный взглядъ былъ неправиленъ только въ томъ отношеніи, что противорѣчилъ фактамъ. Иеронимъ, взявъ въ руки книгу Дѣяній апостольскихъ, легко могъ доказать его ложность. Эта книга, представляя намъ Петра основателемъ первой церкви изъ язычниковъ въ Кессаріи, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ намъ, что Павелъ вездѣ, гдѣ только онъ ни проповѣдывалъ, сначала обращался къ синагогамъ, и прежде заботился о обращеніи іудеевъ, а потомъ о обращеніи язычниковъ. Одни и тѣже обвиненія, тѣже опасности и угрозы преслѣдуютъ обоихъ апостоловъ, и каждый изъ нихъ для оправданія себя предъ обрѣзанными долженъ былъ объяснить, что ему дано было повелѣніе непосредственно свыше. Ихъ образъ дѣйствій одинаковъ и сообразенъ съ цѣлію, указанною для нихъ апостольства. Они оба считали себя исполните-

лами воли Того, Кто сказалъ имъ: *идите, научите вся языки*. Доказывать, что общество апостоловъ было разъединено—значить доказывать двойственность христіанства и снова возвращаться къ ересямъ первыхъ вѣковъ. Строки, въ которыхъ Іеронимъ изложилъ свое мнѣніе своему противнику, необходимо выписать, потому что онѣ могутъ служить образчикомъ его полемики. «Итакъ ты даешь новый видъ вопросу, святыи и достоблаженный папа»,—писалъ Іеронимъ иронически—«утверждая, что язычники, вѣрующіе въ Христа, были свободны отъ обязанностей налагаемыхъ закономъ, а іудеи—нѣтъ. О, если ты такъ думаешь, если ты убѣжденъ, что обряды ветхаго завѣта имѣютъ силу для христіанъ изъ іудеевъ, провозгласи это громко,—это твоя обязанность, какъ епископа и повсюду всѣми уважаемаго учителя; вмѣстѣ съ тѣмъ привлеки къ сочувствію твоимъ мыслямъ и другихъ епископовъ. Подумай объ этомъ! Что касается меня, я, удалившись на брай вселенной, подъ кровъ убогой хижины, въ общество нѣсколькихъ монаховъ, такихъ же грѣшниковъ, какъ и я, не осмѣливаюсь сказать что нибудь о такихъ возвышенныхъ вопросахъ и, предоставляя тебѣ честь великихъ открытій, скромно слѣдую по пути древнихъ церковныхъ толковниковъ. Но тѣмъ не менѣе обрати вниманіе, достоблаженный папа,—куда могутъ привести тебя подобныя ученія. Керинезъ, врагъ св. ап. Павла, сообщникъ діавола, распространявшій свое собственное евангеліе въ глазахъ главнѣйшаго изъ апостоловъ, думаетъ такъ же, какъ и ты. Евіонъ проповѣдывалъ совершенно сходное съ твоимъ ученіе. Оба они считали себя христіанами, возстановляя іудейство, и христіанскія общества, основанныя этими лжеучителями, были въ полномъ смыслѣ слова синагогами сатаны. Вселенская Церковь со временъ апостоловъ провозгласила имъ анаѹему; но ихъ ереси не умерли вмѣстѣ съ ними, и анаѹема тяготеетъ до нынѣ надъ

ихъ послѣдователями. Между синагогами востока существуетъ донынѣ секта *минеевъ*, болѣе извѣстная подъ именемъ секты *назореевъ*, состоящая изъ людей, которыхъ осуждаютъ сами фарисеи и которые, вѣруя въ нашего Спасителя и желая быть вмѣстѣ и христіанами и іудеями, не похожи ни на тѣхъ, ни на другихъ. Твое ученіе обязываетъ насъ не только оправдать ихъ предъ церковью, но и относиться къ нимъ съ почтеніемъ и благоговѣніемъ, какъ къ прямымъ дѣтямъ апостола Петра, какъ къ истиннымъ христіанамъ, обращеннымъ изъ послѣдователей ветхаго завета. Если твое сочувственное дружелюбіе считаетъ долгомъ позаботиться о моей ранѣ, которая впрочемъ не больше укола иглы, то подумай также о своей извѣ, похожей на нанесенную кинжаломъ. Потому что принимать безъ критики миѣнія древнія, проповѣданныя иѣкогда знаменитыми учеными, конечно не такъ не хорошо, какъ поддерживать среси, опровергнутыя всѣмъ христіанствомъ. Будь увѣренъ, что если ты не откажешься отъ принятія въ церковь іудеевъ вмѣстѣ съ ихъ обрядами и не предупредишь смѣшенія обычаевъ синагоги съ христіанскими, то не іудеи сдѣлаются христіанами, а христіане іудеями.

Твоя система имѣетъ такой видъ: Петръ имѣлъ право жить по-іудейски, и сохранялъ іудейскіе обычаи безъ притворства, и укоръ, притомъ довольно болкій, какой далъ апостолъ Павелъ апостолу, стоявшему выше его, относился не столько къ поступкамъ Петра, сколько къ частнымъ обстоятельствамъ этихъ поступковъ. Вотъ то, что ты говоришь и думаешь, такъ какъ ты говоришь то, что думаешь: теперь остается тебѣ, святой и уважаемый папа, на опытѣ доказать намъ, что твои мысли справедливы. Допусти, чтобы какой нибудь іудей, сдѣлавшись христіаниномъ въ твоей церкви, обрѣзалъ родившагося у него сына, соблюдалъ субботу, воздерживался отъ яствъ, которыя Богъ создалъ для употребленія съ благодарен-

нѣмъ, въ четырнадцатый день перваго мѣсяца загалалъ агнца и проч.—допусти его жить такимъ образомъ. Ты долженъ сдѣлать это, слѣдуя своимъ убѣжденіемъ. Но нѣтъ! ты не сдѣлаешь этого, ты скорѣе осудишь свои собственныя убѣжденія, чѣмъ религію, потому что ты христіанинъ и не способенъ къ святотатству. Волею не-волею ты откажешься отъ твоихъ гипотезъ и узнаешь, что часто гораздо легче опровергать сочиненія другихъ, чѣмъ подтверждать основательными доводами свои».

Дѣйствительно, Августинъ осуждалъ ап. Петра не за то, что онъ жилъ, какъ іудей, потому что, по теоріи епископа нипонійскаго, это было его право и почти обязанность, но за то, что авторитетомъ собственнаго примѣра онъ увлекъ и вѣрныхъ несобрѣзанныхъ къ соблюденію іудейскихъ обрядностей, хотя эти обрядности имъ не были дозволены, и вотъ за это именно, по мнѣнію Августина, Петръ заслужилъ укоръ, о которомъ упоминается въ посланіи къ галатамъ. «О, восклицаетъ Іеронимъ, если бы Петръ захотѣлъ отвѣчать,—воспользуйся болѣе тяжелое обвиненіе онъ могъ бы возвести на апостола Павла? Павелъ обрѣзалъ своего ученика Тимофея-язычника и сына языческаго; въ присутствіи двухъ своихъ учениковъ, Акилы и Прискиллы, совершилъ въ гавани Кенхреѣ таинственный обѣтъ назореевъ; наконецъ въ Іерусалимѣ подвергъ себя и своихъ учениковъ очищеніямъ въ храмъ и подчинился обычаямъ, предписаннымъ въ законѣ относительно жертвоприношеній. Въ этихъ случаяхъ онъ не только увѣщевалъ собственнымъ примѣромъ, но и прямо налагалъ обязанность слѣдовать іудейскимъ обрядамъ на несобрѣзанныхъ. Можешь ли ты допустить это, великій апостолъ?—прибавилъ Іеронимъ, употребляя фигуру олицетворенія. Ты, обвиняющій Петра въ лицемѣрїи и ставящій ему въ вину то, что онъ отдѣлился отъ язычниковъ, боясь оскорбить іудеевъ, прибыв-

шихъ изъ церкви Іакова,—можешь ли ты спести, если я, твердо зная, что ты считаешь обрядовый законъ бесполезнымъ, спрошу тебя: зачѣмъ ты обрѣзалъ Тимофея, который не былъ іудеемъ по происхожденію? Это сдѣлалъ я, скажешь ты мнѣ, ради іудеевъ, которые находились въ тѣхъ странахъ. Но если опасеніе соблазнить ихъ заставляло тебя обрѣзать твоего ученика, который оставилъ язычество и сдѣлался христіаниномъ, то не находи худымъ, что Петръ, старшій тебя лѣтами и заслугами, держался того же способа дѣйствій,—чтобы не оскорбить обрѣзанныхъ, уже пришедшихъ христіанство. Далѣе спрошу тебя: зачѣмъ ты далъ обѣтъ отростить свои волосы и зачѣмъ ты обрѣзалъ ихъ въ Кенхреѣ, какъ то повелѣваетъ законъ Моисея посвященнымъ назореемъ; зачѣмъ ты поставилъ себѣ за правило ходить босымъ; зачѣмъ, желая показать іудеямъ, что не отвергашь закона, ты взялъ съ собою четырехъ учениковъ, давшихъ обѣтъ посѣтить Іерусалимъ, привелъ ихъ въ храмъ для очищенія, принудилъ ихъ обрить голову, самъ вмѣстѣ съ ними совершилъ очищеніе и заплатилъ за этотъ обрядъ собственныя деньги? Я сдѣлалъ это, отвѣтишь ты, изъ опасенія соблазнить нашихъ братьевъ, обратившихся изъ іудеевъ. Да! Итакъ по твоимъ собственнымъ словамъ ты притворился іудеемъ, чтобы приборѣсть іудеевъ, и ты поступалъ такъ только по совѣту Іакова и старцевъ его общины. Ты имѣлъ основаніе,—но эти предосторожности ни въ чему не повели. Они не предотвратили заговора противъ тебя, и ты несомнѣнно былъ бы убитъ, если бы трибунъ не вырвалъ тебя изъ рукъ враговъ и не переправилъ подъ крѣпкою стражею въ Кессарію, потому что іудеи, считая тебя обманщикомъ и разрушителемъ закона, жаждали твоей крови. Изъ Кессаріи ты былъ отправленъ въ Римъ, гдѣ проповѣдывалъ Іисуса Христа іудеямъ и христіанамъ, нанявъ маленькій домикъ; накопецъ свою жизнь, спасенную отъ злобы

іудеєвъ, ты принесъ въ жертву мечу Нерона,—чтобы такимъ образомъ дать болѣе очевидное засвидѣтельствованіе истинности своей вѣры».

Въ заключеніе Іеронимъ говорилъ, что въ дѣлѣ, относительно котораго мы имѣемъ одно только письменное свидѣтельство, именно рассказъ самого апостола Павла, очевидно проникнутаго горячимъ желаніемъ подтвердить примѣромъ свое любимое ученіе о евангельской свободѣ,—въ такомъ дѣлѣ свѣдѣнія, почерпаемыя изъ восточныхъ преданій, особенно изъ преданій церкви антиохійской, гдѣ происходило это событіе, имѣютъ особенное значеніе: они уясняютъ для насъ характеръ того и другаго апостола въ связи съ общимъ характеромъ восточнаго міросозерцанія. Наконецъ Іеронимъ писалъ, что не хорошо по поводу вопроса, вовсе не важнаго въ дѣлѣ спасенія, открыто провозгласить святотатцами и проповѣдниками сознательной лжи, оправдываемой будто-бы авторитетомъ писаній, священника, своего друга, величайшихъ восточныхъ толкователей писанія и цѣлую половину христіанъ.

Іеронимъ въ своемъ письмѣ не оставилъ безъ отвѣта и бурьезный рассказъ о тыквѣ Іоны. Онъ посмѣялся немного надъ бѣднымъ епископомъ, который хотѣлъ скорѣе отказаться отъ своего архіерейскаго слова и даже отъ кathedræ, чѣмъ обвинить Семдесятъ толковниковъ. Іеронимъ шуточно объяснялъ, что ни Семдесятъ, ни онъ не погрѣшили, различно переводя это слово. Дѣйствительно, по его объясненіямъ—кустъ, о которомъ идетъ рѣчь въ пророчествѣ Іоны, не тыква, хотя и не плющъ. Это собственно іудейское растеніе—родъ кустарника съ широкими листьями на подобіе виноградныхъ. Будучи посажено, это растеніе быстро развивается въ деревцо, держась только на своемъ стволѣ, а не цѣпляясь за твердые пни и вѣтви другихъ деревьевъ подобно тыквѣ и плющу. Евреи называютъ его *kikcōn*, а сиріане—*kikeia*. За-

труднясь передать это слово на своемъ языкѣ, греческіе переводчики Библии называли это растеніе *тыквою*, какъ Семдесятъ, или *плющемъ*, какъ Акилла. Иеронимъ, усвоивъ это послѣднее названіе, слѣдовалъ утвердившемуся уже до него употребленію слова, тѣмъ болѣе, что кустарникъ, о которомъ идетъ рѣчь, болѣе похожъ на плющъ, чѣмъ на тыкву, и сврейское названіе *kikeion* ближе къ греческому слову *κισσόν*, чѣмъ къ слову, которое употребили Семдесятъ. Что касается іудеевъ, на судъ которыхъ передалъ дѣло простосердечный африканскій епископъ, то они или не были знакомы съ растеніемъ, или не знали по-еврейски, или—что всего вѣроятнѣе—захотѣли посмѣяться надъ *тыквенниками*.

Споръ Августина и Иеронима кончился тѣмъ, что оба противники выказали рѣдкія, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно различныя свойства своего генія: Августинъ—спокойное изложеніе и удивительную стройность въ своихъ логическихъ выводахъ; Иеронимъ—язвительность своей ироніи и блескъ своего удивительнаго краснорѣчія. Оскорбительныя педоразумѣнія, которыя были при этихъ сношеніяхъ, мало по-малу изгладнились изъ памяти Иеронима и Августина, и между этими двумя лицами возстановилась искренняя дружба. Что касается вопроса о распрѣ апостола Павла съ ап. Петромъ, то въ средніе вѣка его продолжали разсматривать различно на востокѣ и на западѣ. Церковь восточная оставалась вѣрною изъясненію, основывающемуся на преданіяхъ, которое одинаково оправдывало и того и другаго апостола. На западѣ болѣе поправилось объясненіе этого событія съ нравственной точки зрѣнія, какое предложилъ Августинъ.—Хранитель ключей царства небеснаго, во мнѣніи римской церкви, которой онъ одною считается основателемъ, остался ученикомъ, плохо понимающимъ волю Учителя, отвергающимъ то самого Учителя, то Его ученія, живымъ олицетвореніемъ противополож-

— 47 —

ныхъ свойствъ—малодупія и величія, осужденнымъ вѣчно колебаться между заблужденіемъ и раскаяніемъ, но съ честію искупающимъ свою слабость смиреніемъ и слезами.

Т.

